

ЖИЗНЬ ПОД ЗНАКОМ «ПОРА» («ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА, ПОКОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТ»)

Пушкин относится к числу тех авторов, которые всю жизнь пишут единый текст, пробуя свою мысль в различных вариантах, но оставляя неизменным ее костяк. Отсюда необходимость восприятия пушкинских произведений в едином смысловом поле – динамическом, трансформирующем смыслы, но неизменно сохраняющем цельность. Стихотворение 1834 года «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» [1, с. 387] не является исключением и открыто в область постоянных проблем и идей пушкинского творчества.

Время и пространство для Пушкина – импульсы и основания к изменению жизни, которым поэт придает не меньшее значение, чем личная воля и личностные усилия. В стихотворении «Пора, мой друг, пора ...» Пушкин обозначил этап обретения новых ценностей именно как возрастной. С возрастом начинаешь относиться к каждому часу своей жизни как к частице бытия. Обнаруживается неумолимость времени («Летят за днями дни, и каждый час уносит / Частичку бытия»). Приходит усталость от привычного хода жизни, делающего человека рабом («кустальный раб») и открывается, что рабское сознание рождается не столько давлением извне, сколько внутренней зависимостью от социума.

Мысль Пушкина 30-х годов фокусируется на зыбкости границ между жизнью и смертью («Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем»), вследствие чего глубокой внутренней потребностью становится устройство жизни под знаком того идеала, который *возможен* в реальной жизни. Не как у В. А. Жуковского, мыслящего земную жизнь лишь подготовкой к идеальной в ином мире. Не как у К. Н. Батюшкова, лирический герой которого торопится вкусить от тех минимальных радостей, которые может предоставить человеку жизнь. Похожее направление мысли можно найти у Е. А. Баратынского, который исходил из невозможности «изменить людское естество...» и «переиначить свет» [2, с. 44]. Но пушкинская мысль объемнее: как свойственно только ему, Пушкину, поэт стремится найти в жизни то, что *возможно* в этой жизни и что единственно дает ей *вневременную* ценность.

Для Пушкина счастье – это *великое быть может*: «Но счастье... это великое быть может, как говорил Рабле о рае или о вечности. Я атеист в отношении счастья; я в него не верю...» [3, с. 419]. «Атеистическую» мысль о возможности счастья Пушкин вводит в контекст рая или вечности, привычно играя «сближением далековатых понятий».

Счастье безоговорочно осуществимо для тех, кто довольствуется гедонистическим вариантом существования и умеет просто радоваться жизни, как герой стихотворения «К вельможе» (1830): «Счастливый человек, для жизни ты живешь» [1, с. 289]. Для самого Пушкина неизменно важна способность «жить для жизни», исполняя свое человеческое назначение, которое, как оказывается со временем, не может быть сведено к наслаждениям и удовольствиям.

В *идеальном* контексте стихотворения «Из Пиндемонти» (1836), которое называют пушкинской одой *внутренней* свободе человека, счастье есть свобода жить «по прихоти своей»:

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права... [1, с. 455]

Стихотворение «Пора, мой друг, пора ...» представляет *реальный* контекст, в котором разграничиваются достижимое и недостижимое: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». И на первом месте в связке достижимых ценностей стоит то, чего «просит» сердце поэта: «покоя сердце просит».

И в тридцатые годы лирический герой Пушкина по-прежнему в ситуации «Узника» (1822), мечтающего о побеге: «Как узник, из тюрьмы замысливший побег» в «Страннике» [1, с. 455], «Давно усталый раб, замыслил я побег» в «Пора, мой друг, пора ...». Но возраст зрелости трансформирует мысль о «побеге».

Романтический побег – это побег из несвободного мира с его «темницами сырыми» и «решетками» в идеальный «мир вольных стихий»: море, ветер, ночь, звезды, облака. Но уже в стихотворении «К морю» (1824), которое воспринимается многими поколениями читателей как пушкинский гимн свободе, Пушкин, кажется, прощается не только с морем, но и со своими идеальными вольнолюбивыми побуждениями. На призыв «свободной стихии» («Ты ждал, ты звал» - [1, с. 37]), вопреки порывам души («Вотще рвалась душа моя» - [1, с. 37]), поэт остается на берегу («У берегов остался я» - [1, с. 37]). Свобода зовет и ждет человека, но, оказывается, есть что-то сильнее стремлений души к свободе: и в контексте стихотворения невозможно отделать внешние цепи («я был окован») от внутренних («Могучей страстью очарован» [1, с. 37]). В 1834 году Пушкин напишет жене: «Без политической свободы жить очень можно...» [4, с. 387].

Пушкин последние лет жизни первичное и главное условие заветной с юности «тайной свободы» [5, с. 60] видит в сердце, которое обрело покой и нуждается не только в побеге из внешнего несвободного пространства, но в отказе от внутренней сопричастности этому пространству, лишаящей покоя. Теперь побег – это и пространственное перемещение, и бегство от себя прежнего, от привычного образа жизни.

В «Страннике» (1835) поэт концентрируется на поисках «некоего света» [1, с. 455]. В «Памятнике» (1836) будет сформулирован окончательный ответ на вопрос, куда и зачем бежать: «прах пережить и тленья убежать» [1, с. 460]. В стихотворении «Пора, мой друг, пора...» (1834) значимо кажущееся отсутствие вертикального измерения, того «соседства с Богом», о котором мечтал Пушкин 1829 года, поднявшись из «ущелья» «к вольной вышине» и пытаясь скрыться в «заоблачной келье» («Монастырь на Казбеке» [1, с. 269]).

В стихотворении 1834 года подчеркнута горизонталь земного пути, на котором человек должен исходить из реальных целей. «Желанная доля» видится поэту в «побеге» из сковывающей его реальности в то жизненное пространство, для которого он находит слово «обитель», вызывающее ассоциации с монашеским бытом и монашескими ценностями. «Гений парадоксов друг», Пушкин в топосе «обители» с соответствующими коннотациями идеала послушания и бегства от

мира, то есть полного отказа от своей воли и от мирских пристрастий, реализует мысль о возможной для человека свободе в несвободном мире. Символическая «обитель» с ее строгими законами подчинения должному и высшему - это и есть то «соседство с Богом», которое видится Пушкину 1834 года как достижимое для смертного. В духе монашеской свободы от всего лишнего он подчеркнуто лаконичен в изложении того, что требуется человеку в земной жизни, а требуются всего две вещи: «труды и чистые неги» – тот образ жизни, который помогает соприкосновению с вечностью. Внутренний импульс Пушкина, жаждущего нового уровня жизни, - в потребности очищения. И неги - ключевое слово пушкинского юношеского эпикурейства – сопровождается эпитетом, который не диссонирует с контекстом «обители»: «чистых нег». Пафос стихотворения - смирение перед жизнью в своего рода «нищете духовной», без претензий на недостижимые идеалы, без потребности возвыситься над обыкновенным человеческим уделом, в приятии ценностей, которые доступны каждому, но так сложно открываются для тех, кому дарован путь немногих избранных. Ср.: «обыкновенный удел», как возможный обывательский вариант жизни Ленского, в «Евгении Онегине» видится Пушкину в совсем ином свете:

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подару б в сорок лет имел,
Пил ел, скучал, толстел, хирел,
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей (6, XXXVIII.XXXIX).

В стихотворении «Пора, мой друг, пора...» представлен идеальный вариант «обыкновенного удела». И каким длительным видится поэту путь к этому идеалу: обитель дальняя – это и место, удаленное в пространстве, но это и точка свершения желаемого, достижимая лишь во времени. Эпитет «дальнюю» в контексте стихотворения приобретает не только пространственные, но и временные коннотации: долог путь человека к тому, что является подлинной ценностью и составляет истинный смысл человеческого пути.

Образы Наполеона и Байрона в юношеской лирике Пушкина рождаются как порождения несущей смерть стихии, романтически поэтической и прекрасной, но изначально таящей в себе гибель и неизбежно увлекающей в свою бездну тех, кто равен ей в бурной стихийности и презрении к закону. «Погибельное счастье» Наполеона [5, с. 161] у Пушкина, вступившего в зрелость, не имеет соприкосновения с тем, что действительно нужно человеку и что не антиномично жизни. В контексте мысли Пушкина 30-х годов кумиры его юности «живут не для жизни».

При всей важности биографического контекста в стихотворении «Пора, мой друг, пора...», объединяющем в себе послы элегии, идиллии, послания, а, может быть, реплики в океане вечности, раскрывается универсальный закон человечества. «Бытие к смерти» (М. Хайдеггер) и бытие к жизни представлены в их неразрывности как единый путь человека. Ощущение себя на границе обостряет потребность понимания того, что должен успеть человек в этой жизни в соответствии с высшим природным законом, абсолютные ценности которого теперь противопоставляет Пушкин условным ценностям социума. И житейское посадить дерево, построить дом, родить сына совершенно не вписывается в контекст пушкинской мысли. Память смертная обостряет чувство времени, что влечет за собой отмежевание от временных целей и ценностей во имя поиска *смысла*. Аксиологическое кредо зрелого Пушкина определяется не результатом (чего достиг), а процессом: как жил. В реальном измерении «трудов и чистых нег» ищет Пушкин 1834 года смысл человеческого существования, свой идеал «жизни для жизни». Как сказал В. Г. Белинский, «В поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля» [6, с. 405].

Литература

1. Пушкин, А. С. Собр.соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 2 : Стихотворения 1823–1836. – 1959. – 799 с. Далее текст стихотворения цитируется по этому изданию.
2. Баратынский, Е. А. Стихотворения. Поэмы / Е. А. Баратынский. – М. : Наука, 1982. – 720 с.
3. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. – М. : АН СССР, 1937—1950. – Т. 14 : Переписка (1828 -1831) – 1941. –547 с.
4. Пушкин, А. С. Собр.соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 10: Письма 1831–1837. – 1962. – 488 с.
5. Пушкин, А.С. Собр.соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 1: Стихотворения 1814–1822 – 1959. – 643 с.
6. Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая / В. Г. Белинский // Собр. соч. : в 3 т. / В. Г. Белинский. – М., 1948. – Т. 3 : Статьи и рецензии 1843–1848 г. – 928 с.